

обще — создавать для прописных букв формы, отличные от строчных букв, и притом путем усвоения «доминускульных» (точнее: неминускульных) форм: ср. **ABDEFGHLMNQRS⁴T**. Это обстоятельство сыграло тем большую роль в дальнейшем развитии, что первые выдающиеся теоретики построения шрифта — Пачиоли, Дюрер, Тори — преимущественно анализировали пропорции именно прописных букв, искали канон капитальных шрифтов римских надписей и совсем мало останавливались на очертаниях букв строчного письма или шрифта. Показательным для гетерогенности этих двух элементов в шрифте является то, что когда в первые годы XVI в появились книги, печатанные вновь изобретенным наклонным шрифтом — курсивом (на базе канцелярских курсивов), то первоначально прописные к нему брались прямые, от этого впоследствии, еще в XVI в., отказались, но характерно, что с тех пор и до наших дней в курсивных шрифтах, как бы подражающих рукописным, прописные буквы (даже став наклонными) продолжают иметь как бы «печатные», т. е. на самом деле капитальные, неминускульные, формы. Что касается специально резных инициалов, то разнообразие и отклонения были достаточно велики даже в антикве, не говоря уже о готическом или греческом шрифте. Для антиквы этот разбой в инициалах продержался до общей стилистической реформы классицизма в оформлении книги, т. е. до второй половины XVIII в., когда фигурные инициалы были вообще отброшены и их заменили лишь в несколько большем кегле взятые прописные основной гарнитуры; косвенно это влияние классицизма сказалось и на оформлении книг других (готических, греческих, русских) шрифтов.

Жизнь русских и украинских инициалов XVI—XVII вв. еще недостаточно подвергалась специальному изучению, но не подлежат сомнению большое их разнообразие, сложные замыслы в их построении и самостоятельные пути развития при совершенно неизменной основе самого шрифта — полууставной кириллицы.

Что касается специально греческих типографских шрифтов XV и XVI вв. (а отчасти и позднейших, вплоть до середины XX в.), то их очертания, восходящие, как известно, к византийскому книжному минускулу (во многом не сходному с западным и включающему ряд черт, свойственных курсиву), особенно сложны, изобилуют узлами и петлями, лигатурными формами, выступающими за строку, и т. п.; в то же время благодаря всему этому четырехлинейность — основное преимущество и определяющий признак всякого рационального почерка и особенно типографского шрифта — в греческих шрифтах XV и XVI вв. была выражена чрезвычайно слабо. Тем самым предопределялось, что развитие инициалов должно пойти в них в графическом и стилистическом отрыве от характера самого шрифта. Инициалы греческих шрифтов и строились поэтому всецело на основе образцов капитального, точнее — древнего эпиграфического, письма, неоднократно примыкали к инициалам латинских типографских шрифтов. Этого, однако, безусловно недостаточно для введения термина «греческая антиква», предложенного П. Н. Берковым повторно на стр. 12 его работы; термин этот тем более внутренне противоречив и сбивчив, что самой сутью антиквы является не мера закругленности тех или иных букв (тем более, резных инициалов), но именно доведенный до совершенства принцип минускульного (четырехлинейного) письма.

Сказанное здесь ничуть не опровергает наблюдений П. Н. Беркова и Л. Чьелберга о том, что в украинских и русских изданиях последней трети XVII в. все интенсивнее декоративные инициалы резались (или

⁴ Строчное s писалось чаще в форме длинного f